

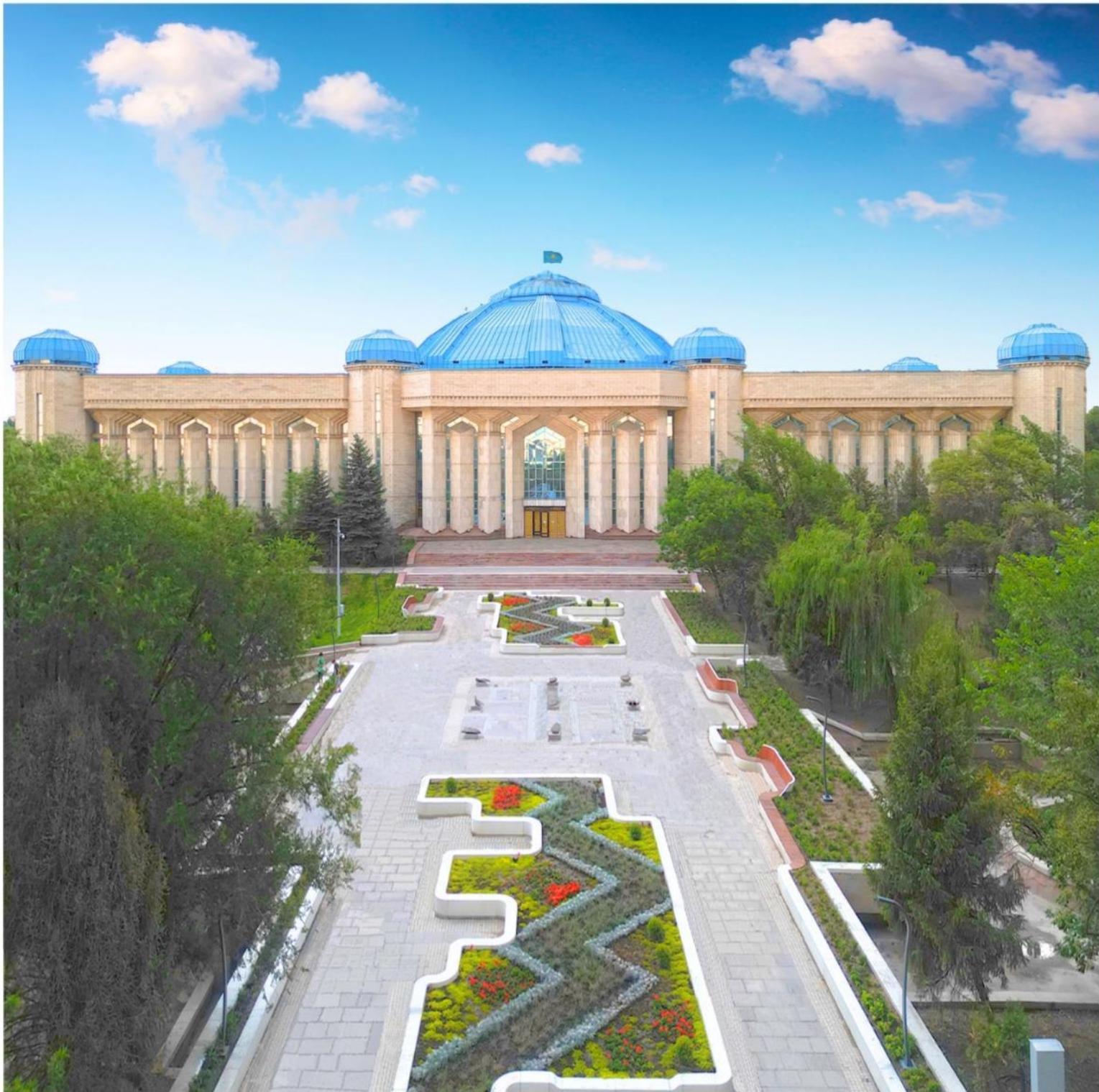
ISSN: 2960-0049
ISSN-L: 2958-5376

MUSEUM.KZ

ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ ЖУРНАЛ • НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ • SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

1(13)2026

УДК 72.033(575.4): 904

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ТУРКМЕНИСТАНА ЭПОХИ МАМУНИДОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Л.А. Аллабердиева

Педагогическое училище имени Хыдыра Деряева (Туркменистан)

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию архитектурного наследия Куны-Ургенча эпохи Мамунидов в контексте культурного и научного развития Северного Туркменистана. Проблемой исследования является атрибуция и функциональное назначение двух ключевых объектов – Большого и Малого минаретов. На основе синтеза археологических отчетов Хорезмской экспедиции и записей исследователей XIX-XX века (А. Куна, Г. Ланделла, В. Успенского) воссоздана историческая динамика существования этих сооружений. В работе доказывается, что интеллектуальный ресурс Академии Мамуна стал фундаментом для создания уникальных инженерных решений. Анализ конструктивных особенностей Большого минарета, базирующегося на плане шестнадцатилучевой звезды, подтверждает участие в проекте выдающихся ученых – Бируни и Ибн Ирака. Особое внимание уделено сейсмостойкости объекта, сохранившего устойчивость при 6-балльных нагрузках благодаря конической форме и динамическим свойствам конструкции. Исследование выявляет стратегическую роль минаретов как узловых элементов оборонительной и навигационной системы Хорезма, связывавших столицу с сигнальными башнями плато Устюрт. Обосновано, что данные объекты выполняли функции информационного ядра и сухопутного маяка, выходящие за рамки сугубо религиозного назначения. Результаты работы включают уточнение хронологии разрушения Малого минарета в 1895 году и оценку современных реставрационных методов по созданию «двухслойной» экспозиционной структуры. Сделан вывод о том, что памятники Куны-Ургенча являются материальным воплощением синтеза фундаментальной науки и прикладного искусства эпохи Мамунидов.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу работы составляет комплексный междисциплинарный подход, сочетающий сравнительно-исторический, источниковедческий и архитектурно-археологический анализ. В качестве эмпирической базы исследования использованы письменные свидетельства средневековых авторов (Макдиси), а также путевые заметки и отчеты востоковедов и путешественников XIX–XX веков: А. Куна, Г. Ланделла, В. Успенского и А.Ю. Якубовского. Эти данные позволили реконструировать исторический облик памятников до их частичного или полного разрушения. Важное место в работе занимает анализ материалов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова, а также современных архитектурно-реставрационных изысканий В.И. Артемьева и А.М. Урмановой. В ходе исследования применялся метод ретроспективного анализа для установления хронологической преемственности между домонгольским и золотоордынским этапами строительства. Инженерно-технический анализ сейсмостойкости и конструктивных особенностей минаретов (на основе данных В.В. Зотова) позволил верифицировать гипотезу о связи архитектурных планов объектов с научными разработками Академии Мамуна. Сопоставление эпиграфических находок (свинцовой плиты 1011 г.) с данными натурных обследований обеспечило высокую достоверность выводов об атрибуции изученных сооружений.

Ключевые слова: Куны-Ургенч, эпоха Мамунидов, хорезмская архитектурная школа, Академия Мамуна, минарет Кутлуг-Тимура, минарет Мамуна, сейсмостойкое строительство, археологическое наследие, Северный Туркменистан.

Для цитирования: Аллабердиева Л.А. Памятники Северного Туркменистана эпохи Мамунидов в контексте общего историко-культурного наследия Центральной Азии // MUSEUM.KZ. 2026. №1 (13), с. 16-26. DOI 10.59103/muzkz.2026.13.03

МӘМҮНДЕР ДӘУІРІНДЕГІ СОЛТҮСТІК ТҮРКІМЕНСТАН ЕСКЕРТКІШТЕРІ ОРТА АЗИЯНЫҢ ЖАЛПЫ ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАСЫ КОНТЕКСТІНДЕ

Л.А. Аллабердиева

Хыдыр Дерьяев атындағы Педагогикалық училище (Түркіменстан)

Аңдатпа. Мақала Солтүстік Түрікменстанның мәдени және ғылыми дамуы контекстіндегі Мәмүндер дәуіріндегі Көне Үргеніштің сәулет мұрасын кешенді зерттеуге арналған. Зерттеу мәселесі екі негізгі нысанның – Үлкен және Кіші мұнаралардың атрибуциясы мен функционалдық мақсаты болып табылады. Хорезм экспедициясының археологиялық есептері мен XIX-XX ғасырлардағы зерттеушілердің (А. Кун, Г. Ланселл, В. Успенский) жазбаларын синтездеу негізінде бұл құрылыстардың өмір сүруінің тарихи динамикасы қайта жаңғыртылды. Зерттеу жұмысында Мәмүн академиясының зияткерлік ресурсы бірегей инженерлік шешімдерді жасаудың негізі болғаны дәлелденген. Он алты қырлы жұлдыз жоспарына негізделген Үлкен мұнараның конструктивті ерекшеліктерін талдау жобаға көрнекті ғалымдар – Бируни мен Ибн Ирактың қатысқанын растайды. Нысанның конустық пішіні мен конструкцияның динамикалық қасиеттерінің арқасында 6 балдық жүктемелер кезінде тұрақтылықты сақтаған сейсмикалық төзімділігіне ерекше назар аударылған. Зерттеу мұнаралардың астананы Үстірт үстіртіндегі сигналдық мұнаралармен байланыстыратын Хорезмнің қорғаныс және навигациялық жүйесінің тораптық элементтері ретіндегі стратегиялық рөлін айқындайды. Бұл нысандардың таза діни мақсатынан тыс ақпараттық өзек және құрлық маяк қызметін атқарғаны дәлелденді. Жұмыс нәтижелері 1895 жылы Кіші мұнараның қирау хронологиясын нақтылауды және «екі қабатты» экспозициялық құрылымды жасау бойынша заманауи реставрациялық әдістерді бағалауды қамтиды. Көне Үргеніш ескерткіштері Мәмүндер дәуіріндегі іргелі ғылым мен қолданбалы өнер синтезінің материалдық көрінісі болып табылады деген қорытынды жасалды.

Материалдар мен зерттеу әдістері. Жұмыстың әдістемелік негізін салыстырмалы-тарихи, деректанулық және сәулеттік-археологиялық талдауды біріктіретін кешенді пәнаралық тәсіл құрайды. Зерттеудің эмпирикалық базасы ретінде ортағасырлық авторлардың (Мақдиси) жазбаша мәліметтері, сондай-ақ XIX–XX ғасырлардағы шығыстанушылар мен саяхатшылардың: А. Кунның, Г. Ланселлдің, В. Успенскийдің және А.Ю. Якубовскийдің жолжазбалары мен есептері пайдаланылды. Бұл деректер ескерткіштердің ішінара немесе толық қирағанға дейінгі тарихи бейнесін қайта жаңғыртуға мүмкіндік берді. Жұмыста С.П. Толстовтың жетекшілігімен өткен Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының материалдарын, сондай-ақ В.И. Артемьев пен А.М. Урманованың заманауи сәулеттік-реставрациялық зерттеулерін талдау маңызды орын алады. Зерттеу барысында құрылыстың моңғолдарға дейінгі және Алтын Орда кезеңдері арасындағы хронологиялық сабақтастықты анықтау үшін ретроспективті талдау әдісі қолданылды. Мұнаралардың сейсмикалық төзімділігі мен конструктивті ерекшеліктерін инженерлік-техникалық талдау (В.В. Зотовтың мәліметтері негізінде) нысандардың сәулеттік жоспарларының Мәмүн академиясының ғылыми зерттеулерімен байланысы туралы гипотезаны тексеруге мүмкіндік берді. Эпиграфиялық олжаларды (1011 жылғы қорғасын тақтайша) заттай зерттеу мәліметтерімен салыстыру зерттелген құрылыстардың атрибуциясы туралы қорытындылардың жоғары сенімділігін қамтамасыз етті.

Тірек сөздер: Көне Үргеніш, Мәмүндер дәуірі, хорезмдік сәулет мектебі, Мәмүн академиясы, Құтлық Темір мұнарасы, Мәмүн мұнарасы, сейсмикалық төзімді құрылыс, археологиялық мұра, Солтүстік Түркіменстан.

Сілтеме жасау үшін: Аллабердиева Л.А. Мәмүндер дәуіріндегі Солтүстік Түркіменстан ескерткіштері Орта Азияның жалпы тарихи-мәдени мұрасы контекстінде // MUSEUM.KZ. 2026. №1 (13), 16-26 бб. DOI 10.59103/muzkz.2026.13.03

MONUMENTS OF NORTHERN TURKMENISTAN OF THE MAMUNID ERA IN THE CONTEXT OF THE GENERAL HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF CENTRAL ASIA

L.A. Allaberdyieva

Khydyr Deryayev Pedagogical College (Turkmenistan)

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the architectural heritage of Konye-Urgench during the Mamunid era in the context of the cultural and scientific development of Northern Turkmenistan. The central problem of the research is the attribution and functional purpose of two key objects – the Great and Small minarets. Based on a synthesis of archaeological reports from the Khorezm Expedition and records of 19th–20th century researchers (A. Kun, H. Lansdell, V. Uspensky), the historical dynamics of the existence of these structures have been reconstructed. The work proves that the intellectual resource of the Mamun Academy became the foundation for the creation of unique engineering solutions. An analysis of the design features of the Great Minaret, based on a sixteen-pointed star plan, confirms the participation of outstanding scientists - Biruni and Ibn Iraq – in the project. Special attention is paid to the seismic resistance of the object, which maintained stability under 6-magnitude loads due to its conical shape and the dynamic properties of the structure. The study reveals the strategic role of the minarets as pivotal elements of the defensive and navigational system of Khorezm, connecting the capital with the signal towers of the Ustyurt plateau. It is substantiated that these objects performed the functions of an information core and a land lighthouse, extending beyond purely religious purposes. The results of the work include a clarification of the chronology of the Small Minaret's destruction in 1895 and an assessment of modern restoration methods for creating a «two-layer» exposition structure. It is concluded that the monuments of Konye-Urgench are a material embodiment of the synthesis of fundamental science and applied art of the Mamunid era.

Research materials and methods. The methodological basis of the work is a comprehensive interdisciplinary approach that combines comparative-historical, source-critical, and architectural-archaeological analysis. The empirical basis of the study includes written accounts by medieval authors (Maqdisi), as well as travel notes and reports by 19th–20th century Orientalists and travelers: A. Kun, H. Lansdell, V. Uspensky, and A. Y. Yakubovsky. These data allowed for the reconstruction of the historical appearance of the monuments prior to their partial or complete destruction. A significant place in the work is occupied by the analysis of materials from the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition led by S. P. Tolstov, as well as modern architectural and restoration surveys by V. I. Artemyev and A. M. Urmanova. During the research, a retrospective analysis method was applied to establish chronological continuity between the pre-Mongol and Golden Horde stages of construction. An engineering and technical analysis of seismic resistance and the structural features of the minarets (based on data by V. V. Zotov) allowed for the verification of the hypothesis regarding the connection between the architectural plans of the objects and the scientific developments of the Mamun Academy. The comparison of epigraphic finds (the 1011 lead plaque) with field survey data ensured high reliability of the conclusions regarding the attribution of the studied structures.

Keywords: Konye-Urgench, Mamunid era, Khorezmian architectural school, Mamun Academy, Kutlug-Timur minaret, Mamun minaret, seismic-resistant construction, archaeological heritage, Northern Turkmenistan.

For citation: Allaberdyieva L.A. Monuments of Northern Turkmenistan of the Mamunid era in the context of the general historical and cultural heritage of Central Asia // MUSEUM.KZ. 2026. №1 (13), pp. 16-26. DOI 10.59103/muzkz.2026.13.03

Введение. Изучение историко-культурного наследия эпохи Мамунидов в Северном Туркменистане сегодня приобретает особую значимость в контексте сохранения национального культурного кода и духовного возрождения народов Центральной Азии. Эпоха Мамунидов (конец X - начало XI вв.) стала периодом беспрецедентного расцвета Хорезма, превратив регион в один из мировых центров науки, экономики и архитектурного

искусства. Памятники этого периода являются не только свидетельствами былого величия, но и фундаментом общей исторической памяти народов региона. В русле идей видного государственного деятеля Узбеки Жанибекова, который неустанно подчеркивал необходимость бережного отношения к корням и музеефикации памятников старины, исследование Северного Туркменистана мамунидского периода позволяет восполнить «белые пятна» в истории материальной культуры. У. Жанибеков призывал рассматривать каждый артефакт как живой элемент национальной идентичности, что делает научную фиксацию и анализ памятников Мамунидов актуальной задачей современной исторической науки. Объектом исследования в данной работе выступает культурный ландшафт Северного Туркменистана, который в эпоху Мамунидов служил связующим звеном между оседлыми оазисами и степными пространствами Центральной Азии. Целью данной статьи является анализ ключевых памятников эпохи Мамунидов и обоснование их роли как общего достояния, требующего комплексных подходов к охране и популяризации в музейном пространстве.

Результаты и обсуждение. Центральное место в системе памятников Северного Туркменистана эпохи Мамунидов занимает древний Куня-Ургенч (Гургандж). Именно в конце X – начале XI веков, при правлении династии Мамунидов, город превратился в «сердце» просвещения и торговли, соперничая по значимости с Багдадом и Бухарой. Архитектурные остатки этого периода, включая фундаменты ранних мечетей и фортификационных сооружений, свидетельствуют о формировании уникальной хорезмийской архитектурной школы, которая позже станет эталоном для всего мусульманского Востока.

Куня-Ургенч – одна из древних столиц Центральной Азии, на протяжении веков (с 995 по 1646 год) игравшая ключевую стратегическую роль как столица Хорезма. В исторической ретроспективе, которую так важно сохранять для будущих поколений, период правления династии Мамунидов выделяется как первая эпоха всестороннего расцвета города. Именно в это время закладывался тот монументальный архитектурный код, который определил величие региона на столетия вперед. Основатель династии Мамун I (Абу Али Мамун, 995–997 гг.), еще будучи эмиром Куня-Ургенча, инициировал масштабные строительные проекты, направленные на укрепление статуса города. Согласно письменным источникам, возведенный им дворец вблизи ворот Хаджаджа поражал современников: его портал не имел аналогов по своему величию ни в Хорасане, ни в Мавераннахре. Его преемник, Абул Хасан Али (997–1009 гг.), продолжил эту традицию, построив еще один дворец напротив резиденции отца. Особую ценность для современной исторической топографии представляют сведения ал-Макдиси (985 г.), описывающие не только дворцовую архитектуру, но и пульсирующую жизнь города – например, организацию торговли на площади перед дворцом Али [Ал-Макдиси, 1939: 188]. Эти данные позволяют нам сегодня реконструировать живую экосистему средневекового города, что является необходимым этапом для качественной музеефикации и охраны памятников. В контексте задач, которые ставил перед исследователями У. Жанибеков, данные архитектурные свидетельства Мамунидского периода должны рассматриваться как неотъемлемая часть материального наследия. Изучение этих «исторических пластов» помогает нам понять процесс формирования городской культуры и национальных ремесел, ставших фундаментом для последующих эпох развития Центральной Азии.

Наивысший подъем государства связан с правлением Мамуна II (Абу-л-Аббас Мамун II, 1009–1017 гг.). Унаследовав экономически процветающую и политически стабильную страну, он направил усилия на превращение Куня-Ургенча в город, не имеющий равных в регионе. Центральным элементом этой политики стала Академия Мамуна — уникальный интеллектуальный центр, где трудились величайшие ученые (Абу Рейхан Бируни, Ибн Сина). Примечательно, что ученые Академии принимали активное участие в реализации государственной стратегии. Градостроительная политика Мамунидов не ограничивалась лишь социально-экономическими потребностями; она планировалась в строгом соответствии с политической доктриной и международным авторитетом государства. Каждый

монументальный объект должен был подчеркивать статус Хорезма как лидера исламского мира того времени.

Определение датировки архитектурных памятников современного Куны-Ургенча и, в частности, его древних минаретов, имеет ключевое значение для изучения культурного развития эпохи Мамунидов. Сравнительный анализ исторических источников, научной литературы и результатов археологических исследований позволяет предположить, что в период правления династии Мамунидов в Куны-Ургенче было возведено несколько монументальных минаретов, ставших вертикальными доминантами города. Как отмечал археолог Х. Юсупов: «Среди местного населения бытует предание о сорока минаретах Ургенча. Народные предания нередко близки к истине. Вероятно, в домонгольском Гургандже действительно существовало множество мечетей и минаретов...» [Yusupov, 2010: 57]. Это свидетельствует о колоссальном масштабе застройки и высоком уровне инженерной мысли того времени. На сегодняшний день из этого множества нужно подчеркнуть два минарета, которые служат эталонами хорезмской архитектурной школы. Эти сооружения не просто выполняли утилитарную функцию призыва к молитве, но и являлись символами могущества государства Хорезмшахов, визуально воплощая политическую доктрину Мамунидов. Изучение таких памятников в контексте общего наследия Центральной Азии позволяет проследить эволюцию строительных приемов и декоративного искусства. Для современного музейного дела и реставрационной практики эти объекты представляют исключительный интерес как свидетельства эпохи «первого расцвета», заложившего основы для последующего развития региона вплоть до золотоордынского периода.

Для объективной реконструкции облика столицы Мамунидов особое значение имеют сведения исследователей, зафиксировавших состояние памятников до их значительного разрушения. Важнейшим источником в этом контексте являются труды российского востоковеда Александра Куна, посетившего Куны-Ургенч в 1873 году. В своих записях А. Кун подробно описывает два минарета, расстояние между которыми составляло 100–150 саженей. Согласно его наблюдениям: «Восточный минарет (высотой около 60 метров) сохранился значительно лучше западного. Его среднюю часть опоясывали два ряда куфических надписей синего цвета, которые уже в XIX веке было трудно прочесть из-за осыпавшейся глазури. Второй минарет, расположенный с западной стороны, сохранился лишь наполовину» [Кун, 1876: 213–214]. А. Кун выдвинул важное предположение, что каждый из этих минаретов принадлежал отдельному мечети или медресе, основываясь на остатках прилегающих строений. Эти исторические данные подтверждают сложность задачи современной идентификации. Если восточный минарет (сегодня известный как минарет Кутлуг-Тимура, хотя его основание многие ученые относят к домонгольскому периоду, возможно, эпохе Мамунидов) визуально доминирует, то состояние западного минарета, описанное Куном как «сохранившийся наполовину», объясняет трудности его современной атрибуции. Тесаный кирпич и поливные изразцы, упомянутые исследователем, указывают на преобладание строительной техники, которая начала формироваться именно при Мамунидов и достигла совершенства в последующие эпохи. Таким образом, свидетельства XIX века служат связующим звеном между данными средневековых авторов (Макдиси) и современными археологическими реалиями, позволяя более точно локализовать утраченные элементы культурного ландшафта Северного Туркменистана.

Ценным дополнением к исторической топографии Куны-Ургенча являются записи британского путешественника Генри Ланделла, посетившего Куны-Ургенч в 1882 году. Его свидетельства представляют особый интерес для музейного дела и исторической реконструкции, так как он не только описал визуальный облик объектов, но и произвел их технические замеры. Ланделл стал одним из первых, кто подробно описал так называемый «Малый минарет» (западный). Несмотря на его аварийное состояние и скопление кирпичных развалов вокруг, исследователю удалось измерить длину окружности основания, которая составила 80 футов (24,384 м). Наличие фрагментов цветной глазури на поверхности объекта, отмеченное миссионером, подтверждает использование сложных декоративных техник, характерных для эпохи расцвета хорезмской архитектуры. При описании «Большого

минарета» (восточного) Ланселл приводит следующие уточняющие данные: окружность на уровне человеческого роста - 114 футов (34,7472 м); высота объекта — приблизительно 186 футов (56,6928 м). Исследователь подтвердил куфический характер надписей на четырех рельефных кольцах, опоясывающих минарет, и сослался на сведения Глуховского и Ховорта о наличии внутренней винтовой лестницы. Особую научную значимость имеет опубликованная в 1885 году иллюстрация в книге Ланселла «Русская Средняя Азия», которая визуальнo фиксирует одновременное существование двух минаретов. Эти данные позволяют нам точно датировать исчезновение одного из объектов: минарет, описанный как «западный» или «малый», был окончательно утрачен во время землетрясения 8 июля 1895 года [Халимов, 1991: 19]. Таким образом, записи Ланселла являются последней подробной фиксацией этого памятника перед его разрушением, что крайне важно для восполнения пробелов в истории материальной культуры Северного Туркменистана.

Начиная с 30-х годов XX века, в исторической науке закрепляются понятия «минарет Кутлуг-Тимура» и «минарет Мамуна». Первым, кто ввел данные дефиниции в научный оборот, был выдающийся востоковед А.Ю. Якубовский. В 1928 году он осуществил расшифровку и перевод куфических надписей на сохранившемся в Куня-Ургенче минарете. Основываясь на прочтении текстов нижнего орнаментированного пояса, ученый пришел к выводу, что объект был возведен наместником Хорезма Кутлуг-Тимуром в период правления золотоордынского хана Узбека (между 1321–1341 гг.). Однако эта идентификация вступила в определенное противоречие с визуальным анализом памятника. Примечательно, что при первичном ознакомлении с архитектурными характеристиками сооружения А.Ю. Якубовский датировал его домонгольским периодом (не позднее XII века). Исследователь признавал, что обнаружение в надписи имен правителей XIV века стало для него неожиданностью, так как архитектурный облик минарета напрямую отсылает к монументальным традициям XI–XII веков, заложенным еще в эпоху Мамунидов и развитым при Караханидах [Якубовский, 1930: 38–39]. Тем не менее, эпиграфический фактор стал решающим, и за объектом в научной литературе закрепилось название «минарет Кутлуг-Тимура». Для современного изучения эпохи Мамунидов этот факт крайне важен: он указывает на то, что в Золотой Орде сохранялись и реконструировались более ранние архитектурные формы, фундаменты и традиции, восходящие к X–XI векам. Это подчеркивает значимость Куня-Ургенча как транслятора высокой архитектурной школы Мамунидов на последующие столетия.

Возникновение научно обоснованной гипотезы о существовании «минарета Мамуна» в Куня-Ургенче неразрывно связано с уникальной находкой — свинцовой плитой, обнаруженной в 1900 году у основания одного из городских минаретов. Данный артефакт (длиной 84,9 см и шириной 49 см) был передан хивинским ханом Сейидом Мухаммедом Рахимом II российским властям для изучения. Первые сведения о находке опубликовал Н. Ф. Катанов, подтвердив, что пластина была извлечена непосредственно из фундамента древнего сооружения [Катанов, 1902: 015]. На поверхности плиты арабским куфическим письмом начертан текст, имеющий исключительное значение для истории архитектуры: в нем сообщается, что в 1011 году по приказу хорезмшаха Абул Аббаса Мамуна II была осуществлена закладка фундамента минарета, причем правитель лично присутствовал на церемонии. Опираясь на эти данные, А.Ю. Якубовский в ходе экспедиции 1928 года идентифицировал воронкообразный холм к югу от мавзолея Иль-Арслана как руины того самого «минарета Мамуна». Тот факт, что за тридцать лет до этого на данном месте еще возвышалось строение, подтвердили и местные старейшины, заставшие памятник до катастрофы 1895 года [Якубовский, 1930: 31]. Таким образом, благодаря эпиграфическим данным были введены достоверные сведения о строительстве минарета третьим представителем династии Мамунидов. В современной историографии, согласно сложившейся традиции (С.П. Толстов, Х. Юсупов), за этими объектами закрепились следующие дефиниции: Большой минарет (традиционно именуемый минаретом Кутлуг-Тимура); Малый минарет (идентифицированный как минарет Мамуна). Обнаружение закладной плиты позволяет не только точно датировать «Малый минарет», но и служит

веским аргументом в пользу того, что монументальное строительство в Куня-Ургенче при Мамунидах носило системный характер и опиралось на развитые инженерные традиции. Перейдем к детальному анализу вопроса о точной датировке возведения указанных сооружений в контексте их конструктивных особенностей.

Современный этап жизни памятника связан с усилиями по его сохранению и визуализации для будущих поколений. В 1996 году по проекту видных архитекторов-реставраторов В.И. Артемьева и А.М. Урмановой была предложена уникальная концепция воссоздания объекта. Авторы проекта наметили частичное восстановление сооружения: фундамента и ствола минарета Мамуна до высоты 8 метров, а над ним - фрагмента минарета монгольского периода до высоты 4 метров. Целью данного метода являлось создание «двухслойной» экспозиционной структуры, которая наглядно демонстрирует архитектурную преемственность и стилистические различия двух великих эпох в истории Куня-Ургенча. К настоящему времени в результате проведенных работ восстановлен ствол минарета эпохи Мамунидов до уровня 6 метров. По аналогии с Большим минаретом объект был дополнен функциональным входом с винтовой лестницей [Артемьев, Урманова, 1999: 129]. Несмотря на определенную долю научной условности подобных реставрационных решений, они имеют колоссальное значение для музеефикации археологического парка. Такая форма презентации памятника позволяет исследователям и посетителям сформировать четкое визуальное представление об облике и масштабе сооружений начала XI века. Это превращает руинированный холм в полноценный объект исторической памяти, возвращая эпоху Мамунидов в актуальный культурный ландшафт Центральной Азии.

Среди сохранившихся объектов средневекового зодчества Большой минарет в Куня-Ургенче занимает уникальное положение, являясь высочайшим памятником в Центральной Азии. А.Ю. Якубовский выделял его как наиболее выдающееся сооружение региона. В настоящее время высота объекта составляет 59,9 м, однако, согласно реконструкциям В. И. Артемьева, его первоначальная высота составляла не менее 62 м [Артемьев, Урманова, 1999: 129]. В отличие от «Малого минарета», данное сооружение обладает исключительной конструктивной прочностью, что позволило ему сохраниться до наших дней практически в первоначальном виде. Ключевым вопросом в изучении памятника остается его датировка. Исследования В.В. Зотова, В.И. Артемьева и А.М. Урмановой убедительно доказали, что минарет не был возведен в XIV веке, а лишь подвергся масштабной реставрации в период правления Кутлуг-Тимура. Вопрос о времени первоначального строительства остается предметом научной дискуссии. Х. Юсупов обосновывает гипотезу о том, что возведение Большого минарета было начато непосредственно при Мамуне II [Yusupow, 2010: 55-56]. Основным аргументом здесь выступает факт обнаружения в 1900 году в основании сооружения свинцовой плиты с именем хорезмшаха. Интересна научная позиция А.Ю. Якубовского, который, признавая факт находки плиты у основания Большого минарета, полагал, что артефакт был перенесен туда от руин Малого минарета [Якубовский, 1930: 36]. Оспаривая это утверждение в работе «Сердце древнего Хорезма», Х. Юсупов приводит важный этнографический и сакральный аргумент: перенос предметов из одного священного места в другое считается в мусульманской традиции тяжким грехом (гуна). Следовательно, закладная пластина изначально должна была принадлежать фундаменту Большого минарета, фиксируя точное время его основания – эпоху Мамунидов [Юсупов, 1993: 40-41]. Данная дискуссия подчеркивает, что архитектурный облик современного Куня-Ургенча во многом обязан монументальному строительству начала XI века. Традиции, заложенные Мамунидами, оказались настолько жизнеспособными, что их творения продолжали функционировать и обновляться на протяжении веков, оставаясь главными символами региона.

Дополнительный свет на историю датировки Большого минарета проливают этнографические сведения, собранные в начале XX века. В мае 1926 года Куня-Ургенч посетил известный музыковед и исследователь В.А. Успенский. В своих заметках он зафиксировал бытовавшее среди местного населения предание: минарет был возведен в эпоху султана Махмуда Газневи (XI век) [Uspenskiy, Bel'ya'ew, 2016: 189]. Эта деталь имеет

глубокий научный подтекст. Историческая память народа часто связывает грандиозные сооружения с именами наиболее могущественных правителей, оставивших след в летописях. Махмуд Газневи был не только современником Хорезмшаха Мамуна II, но и его зятем, что обусловило тесные, хотя и конфликтные связи двух государств. С позиции исторического анализа представляется весьма вероятным, что масштабное строительство минарета, начатое Мамуном II на пике могущества его династии, было внезапно прервано. Причиной мог стать сокрушительный поход Махмуда Газневи на Хорезм в 1017 году, приведший к падению династии Мамунидов. Подобная «незавершенность» памятника объясняет, почему в последующие века он требовал масштабной достройки и реставрации, в том числе в золотоордынский период при Кутлуг-Тимуре. Таким образом, свидетельства В.А. Успенского подтверждают, что в народном сознании памятник прочно ассоциируется с рубежом X–XI веков - временем великого культурного подъема и последующего политического перелома в истории Северного Туркменистана.

Гипотеза о том, что строительство Большого минарета было начато именно в эпоху Мамунидов, представляется наиболее убедительной при анализе интеллектуального ресурса, которым располагал Куня-Ургенч в тот период. Создание столь совершенного с инженерной точки зрения сооружения требовало глубочайших познаний в математике и геометрии, которые были сосредоточены в Академии Мамуна. Исследования В.И. Артемьева и А.М. Урмановой доказывают, что в основу Большого минарета заложен крайне сложный архитектурный план, опирающийся на классические восточные теории о гармонических пропорциях [Артемьев, Урманова, 1999: 133-134]. Конструкция минарета базируется на шестнадцатилучевой звезде, что свидетельствует о высочайшем уровне стереометрии. Представляется обоснованным полагать, что в разработку и практическую реализацию этого уникального проекта внесли вклад выдающиеся умы эпохи – руководитель Академии Абу Рейхан Бируни, а также его наставник, выдающийся математик и астроном Абу Наср ибн Ирак, известный в ученом мире как «Второй Птолемей». Симбиоз теоретической науки и строительной практики, характерный для круга ученых Мамуна II, позволил создать объект, не имевший равных по масштабу и прочности. Глубокое изучение научного наследия этих мыслителей в будущем позволит выявить новые исторические факты и расшифровать математический код, заложенный в архитектуре Большого минарета. Это подтверждает статус Куня-Ургенча не просто как административного центра, а как «колыбели» средневекового научного прогресса, чье материальное наследие продолжает восхищать исследователей и сегодня.

Возведение гигантского сооружения высотой более шестидесяти метров при Хорезмшахе Абул Аббасе Мамуне II преследовало цели, выходящие далеко за рамки эстетических или сугубо религиозных задач. Результаты археологических изысканий позволяют рассматривать этот памятник как объект критической государственной инфраструктуры. В 1946 году Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция обнаружила на уступах плато Устюрт развитую систему сигнальных башен [Толстов, 1948: 249]. Высотный минарет в Куня-Ургенче являлся ключевым и завершающим звеном этой цепи, выполняя роль центрального узла связи и навигации. Грандиозный масштаб сооружения отвечал двум важнейшим стратегическим интересам государства:

1. Оборонная функция: система визуальной сигнализации (дым днем и огонь ночью), передаваемая по цепочке от плато Устюрт, позволяла доставить экстренную информацию о приближении угрозы в столицу всего за 30 минут [Толстов, 1948: 249]. Для эффективного приема таких сигналов городу требовался объект исключительной высоты, видимый с предельных расстояний. Таким образом, Большой минарет служил «информационным ядром» оборонительной системы Хорезма.

2. Экономическая навигация: для караванов, следовавших через бескрайние степи, исполинское сооружение Куня-Ургенча служило единственным надежным ориентиром. Выполняя роль сухопутного «маяка», минарет не только указывал путь к столице, но и являлся архитектурным манифестом стабильности, процветания и могущества государства Хорезмшахов.

Важным аргументом в пользу светского и стратегического назначения объекта является отсутствие в его непосредственной близости остатков мечети или иных культовых сооружений, что нетипично для традиционных минаретов. Этот археологический факт подтверждает гипотезу о том, что Большой минарет проектировался как многофункциональный объект государственного значения, объединивший в себе достижения передовой инженерной мысли Академии Мамуна и оборонные нужды Хорезма.

Исключительная сохранность памятника на протяжении столетий представляет собой уникальный случай, вызывающий неизменный интерес у профильных специалистов в области инженерного дела и реставрации. Особую научную значимость этому факту придаёт то, что минарет расположен в сейсмически активной зоне. Согласно шкале сейсмической интенсивности, принятой в странах СНГ, расчетная сейсмичность района Куны-Ургенча составляет 7 баллов. Исторические хроники подтверждают, что регион неоднократно подвергался разрушительным землетрясениям. Показательным примером надежности конструкции стало сейсмическое событие 1984 года, когда интенсивность колебаний в районе памятника достигла 6 баллов. Несмотря на колоссальные динамические нагрузки, объект продемонстрировал поразительную устойчивость: были зафиксированы лишь незначительное расширение старых трещин, локальное смещение кирпичной кладки в верхнем ярусе и выпадение не более пятнадцати отдельных кирпичей. Для высотного кирпичного сооружения, чей возраст исчисляется столетиями, такие показатели являются свидетельством совершенства конструктивной мысли и высочайшего качества строительных материалов [Артемьев, Урманова, 1999: 131]. Этот факт служит еще одним веским аргументом в пользу участия ученых Академии Мамуна в проектировании объекта. Глубокие познания в физике и механике позволили создать «исполинское» сооружение, способное противостоять природным стихиям, что делает Большой минарет выдающимся достижением мировой инженерной мысли начала XI века.

Заключение. Возведение минарета в условиях высокой сейсмической активности Хорезма – это не просто строительный триумф, а подлинный научный подвиг. Древние зодчие выступали здесь не только как мастера формы, но и как выдающиеся ученые-энциклопедисты своего времени. Чтобы этот исполин на протяжении столетий противостоял разрушительным землетрясениям, архитекторам пришлось на практике применять сложнейшие расчеты из области сопротивления материалов и теоретической механики. Мастера виртуозно использовали коническую форму башни, которая естественным образом гасит сейсмические колебания, и разработали уникальную систему «эластичного» фундамента. Их гений заключался в глубоком понимании динамики: минарет не статичен – он обладает способностью «дышать» вместе с подвижной почвой региона. Это свидетельствует о фундаментальных познаниях в геологии и прикладной математике, позволивших создать конструкцию, где центр тяжести и пропорции выверены с математической точностью. Таким образом, Большой минарет Куны-Ургенча – это не только выдающийся памятник архитектуры, но и застывшее в камне доказательство интеллектуального превосходства мастеров эпохи Мамунидов. Создание такого объекта стало возможным лишь благодаря синергии чистого разума и прикладного искусства, позволивших приручить стихию и оставить будущим поколениям вечный символ научной мощи Древнего Хорезма.

На основании проведенного анализа исторических источников, археологических данных и инженерно-технических характеристик минаретов Куны-Ургенча, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Архитектурная преемственность. Эпоха Мамунидов (конец X – начало XI вв.) стала периодом формирования уникальной хорезмской архитектурной школы. Именно в это время был заложен градостроительный каркас Куны-Ургенча, а монументальное строительство достигло уровня, ставшего эталоном для последующих эпох, включая золотоордынский период.

2. Идентификация объектов. Установлено, что историческое предание о «сорока минаретах» находит подтверждение в данных археологии. Из этого множества до XIX века в

физической сохранности дошли два ключевых объекта: Большой (Кутлуг-Тимура) и Малый (Мамуна) минареты. Утрата Малого минарета в результате землетрясения 1895 года подчеркивает хрупкость этого наследия и ценность свидетельств исследователей XIX века (А. Куна, Г. Ланселла).

3. Научный фундамент строительства. Возведение Большого минарета высотой более 60 метров стало возможным благодаря исключительной концентрации интеллектуального ресурса в Академии Мамуна. Участие таких ученых, как Бируни и Ибн Ирак, в разработке архитектурного плана (базирующегося на шестнадцатилучевой звезде) обеспечило сооружению беспрецедентную сейсмостойкость и математическую точность пропорций.

4. Многофункциональность памятников. Минареты Куны-Ургенча выполняли не только религиозные функции. Большой минарет являлся ключевым звеном общегосударственной оборонительной и навигационной системы Хорезма, служа приемным пунктом сигналов с плато Устюрт и ориентиром для караванов Великого Шелкового пути.

5. Значимость реставрации и музеефикации. Современные реставрационные работы 1990-х годов (проект В.И. Артемьева и А.М. Урмановой) по созданию «двухслойной» структуры Малого минарета являются важным шагом в сохранении исторической памяти. Это позволяет наглядно демонстрировать эволюцию строительного искусства региона от эпохи Мамунидов до позднего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Ал-Макдиси. Извлечение из «Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим» – Перевод С. Волина. Материалы по истории туркмен и Туркмении, Т. I. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1939. С. 184 – 209.

Артемьев В. И., Урманова А. М. Минареты Куны-Ургенча // Культурные ценности 1997-1998. СПб., 1999. С. 126 – 136.

Вактурская, Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Под ред. С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 433–462.

Зотов В. В. О датировке минарета Кутлуг-Тимура // Архитектура и строительство Узбекистана. 1990. № 7. С. 31 – 33.

Катанов Н. Ф. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куны-Ургенча // Записки Восточного отделения русского археологического общества (ЗВОРАО). Т. 14, выпуск 1. СПб., 1902. С. 015-017.

Кун А.Л. От Хивы до Газавата. Материалы для статистики Туркестанского края. Выпуск IV. СПб. 1876. С. 203 – 223.

Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. М.: Наука, 1977. 536 с.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1948. 323 с.

Халимов Н. Б. Памятники Ургенча (сооружения, надписи и легенды) А.: Туркменистан, 1991. 136 с.

Юсупов Х. Сердце древнего Хорезма. Ашгабат: «Юрт», 1993. 55 с.

Юсупов Х., Юсупов Т. Раскопки в Куны-Ургенче // Известия Академии наук Туркменистана. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 1. С. 29-35.

Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Л.: ГАИМК, 1930. 68 с.

Lansdell H. Russian Central Asia: including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv: in 2 vols. / Henry Lansdell. London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1885. 732 p.

Uspenskiy W., Beňayjew W. Türkmen sazy. I tom. А.: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. 438 p.

Ýusupow H. Horezm we Gürgenç: täze açyşlar. Aşgabat, 2010. 240 p.

REFERENCES

- Al-Makdisi.* Izwlečenje iz «Ahsan at-takasim fi-marifat al-akalim» – Perewod S. Wolina. Materialy po istorii turkmen i Turkmenii, Vol. I. VII-XV ww. Arabskie i persidskie istočniki. Moskwa-Leningrad: Izdatelstwo AN SSSR, 1939. Pp. 184 – 209. (In Russian)
- Artemew W. I., Urmanowa A. M.* Minarety Kunýa-Urgenča // Kulturnye sennosti 1997-1998. SPb., 1999. Pp. 126 – 136. (In Russian)
- Wakturskaya, N. N.* Raskopki gorodiša Urgenç w 1952 g. // Trudy Horezmskoý arheologo-etnografičeskoý ekspedicii. Vol. II / Pod red. S. P. Tolstowa i M. G. Worobewoý. M.: Izd-wo AN SSSR, 1958. Pp. 433–462. (In Russian)
- Zotow W. W.* O datirovke minareta Kutlug-Timura // Arhitektura i stroitelstwo Uzbekistana. 1990. № 7. Pp. 31 – 33. (In Russian)
- Katanow N. F.* Horezmiýskaýa swinsowaýa plita, naýdennaýa w razwalinah Kunýa-Urgenča // Zapiski Wostočnogo otdeleniya russkogo arheologičeskogo obşestwa (ZWORAO). V. 14, wypusk 1. SPb., 1902. Pp. 015-017. (In Russian)
- Kun A. L.* Ot Hiwy do Gazawata. Materialy dlýa statistiki Turkestanskogo kraýa. Wypusk IV. SPb. 1876. Pp. 203 – 223. (In Russian)
- Nowyy katalog silnyh zemletrýaseniy na territorii SSSR s drevneyşih wremen do 1975 g. M.: Nauka, 1977. 536 p. (In Russian)
- Tolstow S. P.* Po sledam drevnehorezmiýskoý siwilizacii. Moskwa – Leningrad: Izdatelstwo AN SSSR, 1948. 323 p. (In Russian)
- Halimow N. B.* Pamýatniki Urgenča (sooruženiya, nadpisi i legendy) A.: Turkmenistan, 1991. 136 p. (In Russian)
- Ýusupow H.* Serdse drevnego Horezma. Aşgabat: «Ýurt», 1993. 55 p. (In Russian)
- Ýusupow H., Ýusupow T.* Raskopki w Kunýa-Urgençe // Izwestiya Akademii nauk Turkmenistana. Seriya: Gumanitarnye nauki. 1998. № 1. Pp. 29 – 35. (In Russian)
- Ýakubowskiy A. Ýu.* Razwaliny Urgenča. L.: GAIMK, 1930. 68 p. (In Russian)
- Lansdell H.* Russian Central Asia: including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv: in 2 vols. / Henry Lansdell. London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1885. 732 p. (In English)
- Uspenskiy W., Belyayew W.* Türkmen sazy. Vol I. A.: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. 438 p. (In English)
- Ýusupow H.* Horezm we Gürgenç: täze açyşlar. Aşgabat, 2010. 240 p. (In English)

Автор туралы мәлімет: Аллабердиева Ляле Агагелдиевна – тарих және қоғамтану пәнінің оқытушысы, Сейитназар Сейди атындағы Түрікмен мемлекеттік педагогикалық институтының Түрікменстан тарихы және оны оқыту әдістемесі кафедрасының ізденушісі. (745400, Түрікменстан, Мары қаласы, Ашхабад көшесі, 49-үй). ORCID: 0009-0004-2078-8584, E-mail: allaberdyeva85@mail.ru

Сведения об авторе: Аллабердиева Ляле Агагелдиевна – преподаватель истории и обществоведения, соискатель кафедры истории Туркменистана и методики ее преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди (745400, Туркменистан, город Мары, улица Ашхабадская, дом №49). ORCID: 0009-0004-2078-8584. E-mail: allaberdyeva85@mail.ru

Information about the author: Lale A. Allaberdiyeva – Lecturer in History and Social Studies, Applicant (PhD Candidate) at the Department of History of Turkmenistan and its Teaching Methodology, Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute (49 Ashgabat St., Mary, 745400, Turkmenistan). ORCID: 0009-0004-2078-8584. E-mail: allaberdyeva85@mail.ru

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.03.2026.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.03.2026.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 16.03.2026.